

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН: ПРАВО И ПОЛИТИКА

РАЗРАБОТКА ДЖ. НАЕМ И Р. КЕОХЕЙНОМ КОНЦЕПЦИИ ГИБКОЙ ВЛАСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

М.В. Буланов
(Россия, г. Ульяновск)

Ключевые слова: внешняя политика, сложная взаимозависимость, гибкая власть, Дж. Наем, Р. Кеохейн.

Key words: foreign policy, complex interdependence, soft power, Nye S. Joseph, Keohane O. Robert.

С недавнего времени Соединенные Штаты являются активным игроком в Каспийском регионе. Особенно это стало заметно с повышением цен на нефть и ростом напряженности вокруг Ирана. К этому региону прикованы взгляды многих американских аналитиков. Режим Президента Ирана Махмуда Ахмадинежада не раз вызывал беспокойство американских политиков своими резкими высказываниями в отношении Израиля и самих Соединенных Штатов. Как правило, особое внимание привлекают силовые решения международных политических вопросов, в том числе и касающихся Ирана, но существуют и альтернативы, которые ставят под вопрос эффективность данного типа решений. Какой путь будет избран новой администрацией Белого дома пока неясно, однако в последние двадцать лет во внешней политике Вашингтона наметилась тенденция преемственности курса.

Сегодня Иран – одна из центральных проблем внешней политики Соединенных Штатов и не только из-за антидемократичности политического режима и ядерной программы Исламской республики. Не менее важным фактором является стратегическое положение Ирана в регионе, его богатые природные ресурсы и его идеологическая позиция. Для США Иран не просто очередная страна-изгой, а пример эффективного сопротивления против единственной сверхдержавы для всех слаборазвитых стран, особенно исламских. Благодаря активной антиамериканской позиции иранские власти претендуют на значительную поддержку в странах третьего мира, а также России. Может ли сегодня *Rex Americana* противопоставить силу силе, а идеологию идеологии?

Ставя этот вопрос, необходимо рассмотреть не только двухсторонние отношения, но всю мировую систему. Многочисленные специалисты-международники не первое десятилетие для характеристики мировой политики используют термин взаимозависимость. Это явление становится ключевым для понимания ограничений, которые накладывает глобализация на всю систему международных отношений и внешнюю политику отдельных стран. Один из самых авторитетных подходов в этой области рассматривают известные американские ученые Джозеф Най младший и Роберт Оуэн Кеохейн.

Изучение теории и практики внешней политики в США неразрывно связано между собой, редко в какой стране столь сильно влияние экспертного сообщества на политический процесс. Одним из самых динамично развивающихся направлений изучения вопросов внешней политики является неолиберализм, который, в свою очередь, делится на несколько школ. Джозеф Най младший и Роберт Оуэн Кеохейн стали основателями транснационализма, неолиберального институционализма и оказали серьезное влияние на развитие теории политических режимов. Неудивительно, что научным концепциям этих ученых сегодня уделяется пристальное внимание в мире. Джозеф Най и Роберт Кеохейн выдвинули ряд оригинальных идей, касающихся

внешней политики государства. Одной из основных характерных черт внешнеполитической концепции этих ученых стало разделение внешней политики на два основных направления. Первое направление условно можно назвать идеальным – это взаимоотношения с развитыми демократиями, оно характеризуется таким явлением, как взаимозависимость. Второе направление – это отношения со странами, политический режим которых может быть признан авторитарным, к примеру, до 1991 г. таким государством являлся СССР.

С начала 70-х гг. прошлого века эти ученые обращали внимание на такой факт, как увеличение роли транснациональных акторов в мировой политике. В своей работе «Транснациональные отношения и мировая политика» они утверждают, что в перспективе наиболее остро стоят перед США не проблемы холодной войны или антиколониализма, а вопрос о соотношении внешней политики правительства и транснациональных акторов [3, с. 390]. На примере Соединенных Штатов они показывают, что роль государства на международной арене неуклонно падает, особенно в финансово-экономической сфере. В новых условиях внешняя политика становится все более и более сложным делом, государство сталкивается с угрозой потери контроля над ней, это со всей очевидностью ставит вопрос о коррекции во внешнеполитическом механизме США.

В 1977 г. в совместной книге «Власть и взаимозависимость» они создают идеальный тип мировой и внешней политики в условиях растущей роли транснациональных акторов, который назвали «сложной взаимозависимостью», и сравнивают этот тип с идеальной моделью реалистической парадигмы. Авторы выделяют три основных положения реализма:

- 1) доминирующая роль государства на международной арене;
- 2) сила – наиболее эффективный и универсальный инструмент политики;
- 3) иерархия проблем мировой политики, то есть приоритет военной безопасности над вопросами социального и экономического характера.

«Эти реалистичные предположения определяют идеальный тип мировой политики. Они позволяют нам вообразить мир, в котором политика непрерывно характеризуется активным или потенциальным конфликтом среди государств, с возможным применением силы в любое время. Каждое государство пытается защитить свою территорию и интересы от реальных или мнимых угроз. Политическая интеграция среди государств не значительна и длится только пока это служит национальным интересам наиболее мощных государств» [2, с. 20].

Най и Кеохейн строят свою идеальную модель фактически от противоположного. Каждое из вышеуказанных положений отвергается и заменяется на противоположное. Эти антитезисы совместно получили название «сложная взаимозависимость». Взаимозависимость – это ситуация взаимодействия государств и других международных акторов, характеризующаяся значительными взаимными результатами. Взаимозависимость подразумевает асимметрию зависимостей между различными акторами, равномерная взаимозависимость – не более чем частный случай [2, с. 7–9]. Сложная взаимозависимость проявляется в трех аспектах:

- 1) общества взаимодействуют через сложноструктурированные каналы;
- 2) отсутствует строгая иерархия между проблемами, теряет свое значение деление вопросов на внутренние и внешние;
- 3) государства не применяют в отношении друг друга военную силу, если речь идет об одном регионе или в ситуации, когда сложная взаимозависимость этих государств преобладает.

Наличие сложноструктурированных каналов объясняется взаимодействием различных видов политических и экономических элит и неправительственных организаций. Общение между собой государственных чиновников и представителей неправительственных организаций делает страны более открытыми в отношении друг к другу. Особенно это касается деятельности транснациональных корпораций и банков, которые наряду с политической элитой становятся проводниками между различными странами. Это приводит к тому, что внутренняя политика выходит за границы госу-

дарства и сталкивается с аналогичной политикой другого государства, а постоянное развитие международных коммуникаций усиливает этот эффект. Столкновения приводят к стиранию границ между внутренней и внешней политикой, что, в свою очередь, ведет к усложнению внешней политики. По сути, Кеохейн и Най приходят к выводу о необходимости выстраивания новой согласованной политики без разделения ее на внутреннюю и внешнюю.

Отсутствие иерархии во внешнеполитической проблематике связано с ростом значения таких вопросов, как торговля, финансы, сельское хозяйство, уровень жизни, здравоохранение, образование, рынок труда, а также юстиция. По мнению американских ученых, это доказывает:

- 1) структура департаментов правительства США, которые обладают и рядом внешнеполитических полномочий в специфических сферах;
- 2) список тем для обсуждения в таких авторитетных международных организациях, как ГАТТ, МВФ, ЕЭС.

Даже известный сторонник политического реализма Генри Киссинджер признает, что в международных отношениях все большую роль начинают играть вопросы экономического, экологического и гуманитарного характера.

Уменьшение роли военной силы в международных отношениях связано с несколькими факторами. Во-первых, с общим уменьшением опасений подвергнуться нападению и практически полное исчезновение угрозы применения силы во взаимоотношениях между демократическими государствами. Сила перестает быть значимым фактором в демократическом мире. Во-вторых, сила перестает быть универсальным властным ресурсом, поскольку для того, чтобы добиться результатов в экономической или экологической сферах необходимо, прежде всего, сотрудничество, а силовое давление может даже помешать в достижении поставленных целей. У силового подхода есть ряд существенных недостатков: его относительная дороговизна, возможность столкновения с ядерной державой, разрыв связей с государством, которое подвергается силовому давлению в сферах, где возможно конструктивное сотрудничество и рост антивоенных настроений внутри самого государства, использующего силу или угрозу ее применения. Кеохейн и Най считают, что эти же ограничения распространяются на внешнюю политику авторитарных государств, но в значительно меньшей степени, особенно это касается деятельности внутренней антивоенной оппозиции.

Однако они отмечают и некоторые позитивные аспекты применения силы в мировой и внешней политике. Так, например, сдерживание экспансии Советского Союза в отношении западноевропейских стран давало Соединенным Штатам дополнительные преимущества в переговорах со своими союзниками в Европе. Европейские страны, несомненно, ценили роль США как защитника демократического мира в период холодной войны. Сила продолжала оставаться решающим фактором в отношениях по линиям «Север – Юг» и «Восток – Запад» [2, с. 23]. Так, например, недопущение разрастания советского влияния в бассейне Карибского моря напрямую связывается с силовыми действиями Соединенных Штатов.

Одним из серьезных недостатков реалистического видения мира Кеохейн и Най считали односторонний подход к различным проблемам, в том числе экономике и социальной жизни. «В реалистичном мире военная безопасность будет доминирующей целью государств. Это даже затронет проблемы, которые непосредственно не связаны с военной силой или территориальной защитой. Невоенные проблемы будут не только подчинены военным; они будут изучены с точки зрения их военно-политического значения» [2, с. 25]. В традиционной модели мировой политики считается, что, используя свое доминирующее положение в военно-экономической сфере, сильные державы добьются доминирования и по другим вопросам.

Но согласно идеальной модели американских ученых роль силового ресурса внешней политики теряет свое значение. Весьма ограничено также применение экономического принуждения, если речь не идет о достижении исключительно экономических целей, поскольку экономические действия часто влекут за собой политиче-

ские последствия, а экономическая система в условиях взаимозависимости находится под контролем различных внутренних, международных и транснациональных акторов. То есть односторонние действия одного, даже самого могущественного государства, могут повлечь за собой очень сильную реакцию со стороны других акторов (внешних, внутренних и транснациональных). Фактически это должно повлечь отказ крупных держав от традиционной силовой политики. С другой стороны, бедные и слабые государства могут использовать процесс согласования не связанных между собой напрямую вопросов в своих интересах, во многом потому, что их внутренняя структура достаточно проста и позволяет им выступать как единичным акторам. Получается, что чем сильнее государство, тем более оно взаимозависимо от других акторов на международной арене. Сила государства в условиях взаимозависимости будет определяться каждый раз с учетом проблемы, подлежащей рассмотрению, что, несомненно, уменьшает реалистическую иерархию в международных отношениях.

В данном случае возникает проблема асимметричной взаимозависимости, где менее уязвимые, с этой точки зрения, государства будут использовать возникшую асимметрию в своих специфических интересах. Инструментом проведения этих интересов становятся международные организации и движения, которые являются и более дешевыми и более эффективными по сравнению с силой.

Если основной движущей силой внешней политики в реалистическом понимании являются национальные интересы, рассмотренные в терминах власти, то движущей силой внешней политики в неолиберальной интерпретации является сложная взаимозависимость, рассмотренная в терминах власти. Но у асимметричной взаимозависимости есть и ограничительные механизмы. Одним из них является благосостояние граждан, поскольку попытки увеличения преимуществ за счет усиления асимметричной взаимозависимости могут неблагоприятно сказаться на нем. А экономическая и экологическая взаимозависимость также предполагает общую пользу и убытки, которые, в свою очередь, должны привести к взаимному пониманию, что чрезмерно жесткая борьба за увеличение своей доли в прибыли может подорвать общую взаимозависимость и вызвать общие потери в результате разрыва отношений.

Для традиционного подхода к международным отношениям характерна иерархия вопросов, на вершине которой стоят проблемы военной безопасности и обеспечения обороноспособности. Отсюда различия между «высшей» политикой – политикой безопасности и «низкой» политикой – политикой экономических вопросов. В условиях взаимозависимости огромное значение приобретает диалог между участниками международных отношений по самому широкому кругу проблем. Здесь особую роль играет установление повестки дня для переговоров.

Этот процесс становится все более сложным в контексте стирания границ между внутренними и внешними вопросами. Некоторые внутривнутриполитические группы при этом будут политизировать в собственных интересах проблемы экономического роста и увеличивающейся взаимозависимости. При этом государства столкнутся с проблемой определения жизненно важных интересов, поскольку каждая социальная группа и каждый государственный орган, задействованные в международном взаимодействии, будут представлять собственное видение этих интересов. Неоднозначность такого понятия, как национальные интересы, по мнению американских ученых, заставляет задаваться вопросом, не преследует ли государственный орган или группа собственные интересы, подменяя национальные? На повестку дня также будут влиять и изменения в соотношении сил на международной арене. Так, например, рост силы стран – производителей нефти в 70-е гг. XX вв. и введение эмбарго этими странами, которое было направлено против развитых стран Запада, коренным образом изменили как повестку дня для международных переговоров, так и в целом серьезно повлияли на соотношение сил в мире. Установление повестки дня, привлечение внимания и политизация любых проблем становятся достаточно эффективным рычагом власти. Использование асимметричной взаимозависимости странами, которые не претендуют на статус сверхдержав, еще более заметно на фоне роста роли международных организаций и неофициальных форумов.

По мнению Кеохейна и Ная, одной из основных функций международных организаций становится установление повестки дня, другой – обеспечение коммуникаций между различными странами. «Организуя диалог между чиновниками (разных государств), международные организации помогают активизировать потенциальные коалиции в мировой политике» [2, с. 31]. Но особую роль международные организации приобретают для слаборазвитых стран, поскольку позволяют вести более или менее регулярный диалог, не прибегая к необходимости открывать посольства в разных странах и таким образом экономить деньги. Так, например, создание и обсуждение деятельности Движения Неприсоединения происходило в рамках конференций, большинство из которых проходили под эгидой ООН.

В условиях сложной взаимозависимости особую роль начинают играть механизмы реализации внешней политики. Джозеф Най выделяет два основных таких механизма: гибкая власть и жесткая власть. Под гибкой властью Най понимает такой тип воздействия, при котором поведение объекта власти детерминируется наблюдаемой, но не материальной привлекательностью достижения целей. Это понимание несколько расходится с традиционным пониманием власти как набора ресурсов, определяющих положение государства на международной арене. К таким ресурсам относятся: удачное геополитическое положение, развитая экономика, сильная армия и флот, большая территория и т.д. Ключевым моментом для американского ученого становится не набор вышеуказанных ресурсов, хотя их значение продолжает сохраняться, а способность влиять на поведение других государств. Однако гибкая власть также строится на определенных ресурсах. «В международной политике ресурсы, которые продуцируют гибкую власть, возникают большей частью из ценностей организации или страны и находят свое выражение в культуре, в примерах, образцах, которые эта организация или страна устанавливает благодаря своей внутренней политике и практике, и методам, которыми эта страна или организация ведет свои отношения с другими организациями или странами» [1, с. 34].

Вторым механизмом внешней политики является жесткая власть. Этот тип власти еще можно назвать традиционным, он состоит из способности государства принуждать военно-политическими методами и побуждать экономическими методами к определенному типу поведения других международных акторов. Эта идея заимствована из реалистического подхода к международным отношениям и, на первый взгляд, не несет в себе научной новизны, однако интересно, что, по мнению Ная, этот тип власти носит в современном мире подчиненный характер. Так, например, он пишет в своей книге «Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике» следующее: «... страна, которая испытывает экономический и военный спад, по всей вероятности теряет не только свои ресурсы жесткой власти, но также и свою способность формировать международную повестку дня, а также некую часть своей привлекательности» [1, с. 35]. А формирование повестки дня является одним из ключевых условий успешной внешней политики. Тем не менее эти два вида власти родственны, поскольку являются аспектами способности достигать своих целей, воздействуя на других.

Гибкая власть страны базируется на трех основных ресурсах – ее культуре, ее политических ценностях и внешней политике (когда она рассматривается как легитимная, имеющая моральный авторитет). Культура в данном случае понимается как набор ценностей и практик, имеющих значение для данного общества. В контексте гибкой власти наиболее эффективна универсальная культура, поскольку узкие ценности специфической культуры в меньшей степени способны продвигать гибкую власть. Но даже самая универсальная культура может сталкиваться с отторжением, так, например, американская поп-культура плохо приживается в мусульманских странах, таких как Пакистан или Саудовская Аравия, или может отторгаться какой-либо частью общества. «В некоторых случаях, например, в Иране, те же самые голливудские образы, которые вызывают отвращение у правящих мулл, могут быть привлекательны для молодого поколения» [1, с. 40]. Особую роль в процессе распространения культуры, помимо воздействия СМИ, телевидения, киноиндустрии, имеет межличностное общение и приобщение к культуре в ее естественной среде. Так, Най, считает,

что иностранные студенты, находящиеся в США на обучении, служащие и предприниматели, приехавшие на стажировку и т.д., в дальнейшем становятся некими носителями американских ценностей, которые распространяют у себя в стране после возвращения.

Внутренняя политика, политические ценности и даже сама политическая система страны могут быть привлекательными для других стран. Их имидж является одним из оснований гибкой власти. Основными элементами такого имиджа являются: права человека, демократическое устройство государства, идея правового государства, развитое гражданское общество, свободная конкуренция и т.д. Эти идеи и ценности фактически отождествляются с цивилизованным обществом, основой безопасного и благополучного существования. Политика, направленная на сохранение и развитие либерально-демократических ценностей и идей, представляется американскому ученому формирующей притягательный образ страны. Эти же идеалы должны лежать и в основе внешней политики.

В качестве примера Джозеф Най приводит политику Джимми Картера, направленную в защиту гражданских прав в Аргентине. Американская администрация активно боролась за права политической оппозиции, активисты которой оказались заключенными в тюрьму. Через два десятилетия эта политическая группировка пришла к власти, что способствовало росту здесь американской гибкой власти [1, с. 41]. Но далеко не всегда политика правительства благоприятно влияет на потенциал гибкой власти. Так, например, политика сегрегации в 60-х гг. XX в. неблагоприятно сказывалась на имидже США в Африке, а практика смертной казни сегодня воспринимается в Европе негативно. Очень отрицательно во всем мире воспринимается война в Ираке. Най делает вывод, что «внутренняя и внешняя политика, которая представляется лицемерной, высокомерной, безразличной к мнению других стран или людей либо базируется на узком подходе, принимающем во внимание только национальные интересы, может подорвать гибкую власть» [1, с. 41].

Если мы будем сравнивать гибкую и жесткую власть, то помимо ресурсов есть еще ряд характерных отличий. Прежде всего, носителем гибкой власти не обязательно является государство, это может быть общество в целом или неправительственная организация. Более того, зачастую гибкая власть негосударственных акторов может соревноваться в своем влиянии с жесткой властью государства и часто иметь противоположные интересы. Так, например, в период войны во Вьетнаме американская поп-культура пропагандировала отказ от войны и подпитывала антивоенные настроения как в Соединенных Штатах, так и за их пределами. Кардинальным образом отличаются гибкая и жесткая власть по методам реализации. Для жесткой власти характерно принуждение, выражающееся в угрозах применения силы, самом применении силы или санкций и понуждении, то есть достижении целей путем материального стимулирования, начиная от официального кредитования или субсидирования, заканчивая банальными взятками. Гибкая власть характеризуется привлечением и кооперацией, которые выражаются в распространении ценностей с помощью публичной двухсторонней и многосторонней дипломатии.

Однако гибкая власть не является исключительным и универсальным методом достижения целей, она имеет свои пределы и специфические черты, которые влияют на ее эффективность. Прежде всего, нужно отметить временные ограничения, на которые Джозеф Най практически не обратил внимание. Достижение целей с помощью гибкой власти требует достаточно долгого подготовительного периода, поскольку инкорпорирование новых ценностей для той или иной культуры может быть связано с изменением глубинных слоев сознания, таких как традиции, культурные стереотипы и менталитет народа. Зачастую этот процесс связан со сменой поколений. Разные народы будут с разной скоростью воспринимать эти ценности, что связано с первоначальным уровнем и особенностями каждой культуры. Сам Най отмечает, что поп-культура скорее всего привлечет людей и спродуцирует гибкую власть в ситуации, где культуры хоть в какой-то степени подобны. В том случае, если культуры сильно отличаются, то суммарный эффект от воздействия гибкой власти может быть

ничтожным или отрицательным. При этом гибкая власть сильно зависит от наличия «благожелательных интерпретаторов» [1, с. 44], то есть людей, которые будут способствовать распространению новых ценностей. Можно сделать вывод, что от количества, социального статуса и равномерности распределения «благожелательных интерпретаторов» в различных социальных группах будет зависеть скорость восприятия ценностей, а соответственно, и эффективность гибкой власти.

Еще одним важным фактором будет являться развитие информационных технологий в данном обществе. Такие технологии, как Интернет, спутниковое телевидение и т.д., несомненно, ускоряют процесс адаптации к новым ценностям (если эти ценности транслируются по этим каналам).

Существенным условием эффективного использования гибкой власти является плюралистическая политическая система страны, на которую направленно воздействие. «Гибкая власть также важна, когда власть в другой стране "рассеяна", нежели когда она сконцентрирована. Любой диктатор не может быть полностью индифферентен к взглядам народа в своей стране, но он может часто игнорировать степень популярности другой страны, когда вычисляет, в его ли интересах оказывать содействие этой стране» [1, с. 44].

Цели, которые возможно достичь с помощью гибкой власти, также сильно ограничены, так, например, «...гибкая власть менее релевантна, чем жесткая, в предотвращении нападения, охране границ и защите союзников. Но гибкая власть в большей степени соответствует задачам реализации «глобальных целей» [1, с. 45]. Под такими целями подразумевается формирование благоприятной социальной окружающей среды, что для США, к примеру, будет означать продвижение демократии в мире, распространение прав человека и открытых рынков.

Последним ограничением гибкой власти конкретного государства является гибкая власть других акторов. При этом надо иметь в виду, что этим типом власти могут обладать не только другие государства, но и внутривнутриполитические и транснациональные акторы. Они могут транслировать собственные ценности и конкурировать в этой сфере с государством. С учетом того, что количество этих акторов практически не ограничено, то возникают сложности при выяснении вопроса о возможных последствиях столкновений и конфликтов этих ценностей на специфической культурной основе объекта воздействия.

Внешняя политика США находится в центре рассмотрения в работах Джозефа Ная в конце XX – начале XXI вв. В своих работах того периода он анализирует внешнеполитический механизм США, где находит ряд несогласованностей, которые мешают проведению эффективной внешней политики. Это Джозеф Най достаточно четко показывает в своей работе 1984 г. «Формирование политики США в отношении СССР». Характеризуя взаимоотношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, он показывает их специфику. Они не укладывались в «либеральную историческую перспективу» [5, с. 1], были «ненормальными» и при этом являлись центральной внешнеполитической проблемой США в период холодной войны.

Недостаточная эффективность внешней политики Соединенных Штатов связана с некоторыми причинами. По мнению Ная, американская внешняя политика в основном строилась без учета действительности в ее Гоббсовском понимании. Джозеф Най считает, что СССР проводил более гибкую и разнообразную в тактическом плане внешнюю политику, а для Соединенных Штатов был упущен ряд возможностей из-за несогласованности внутри политической элиты. Связано это прежде всего с традиционной децентрализацией политической системы США. Следующим фактором явилась неправильная оценка возможностей СССР. Угрозы со стороны Советского Союза сильно завышались. Но при всем этом США добились основных своих целей.

Джозеф Най сформулировал эти цели следующим образом:

- 1) недопущение ядерной войны;
- 2) нераспространение советской идеологии и сферы советского контроля в мире;
- 3) влияние на Советский Союз с целью изменения его общественно-политического строя [5, с. 325].

Най предлагает два различных подхода к оценке внешней политики США в отношении Советского Союза в период холодной войны. Оптимистический – подход, оправдывающий всю непоследовательность в процессе формирования внешней политики, опирающийся на тезис о достижении цели. Пессимистический – подход, предполагающий соотношение целей и затраченных на их достижение ресурсов. При этом Най отмечает несколько аспектов опасности, которые несут в себе несогласованность внешней политики государства.

Первая состоит в том, что оппонент может воспользоваться открытостью политической системы США в своих целях. Изучая мнения разных элитных группировок Соединенных Штатов, СССР мог выяснить, какая из этих группировок занимает приемлемую для Советского Союза позицию. Таким образом, СССР мог просто дожидаться того момента, когда данная политическая группировка станет доминирующей в США, чтобы начать переговорный процесс по интересующему его вопросу. Применяя такую тактику, оппонент Соединенных Штатов получает определенные преимущества.

Вторая, и как отмечает Най, большая опасность несогласованности внешней политики США состоит в возможности неправильного восприятия оппонентом намерений и сигналов. В противостоянии между Советским Союзом и Соединенными Штатами было несколько моментов (Кубинский и Корейский кризисы), когда неправильно понятая позиция могла привести к глобальному конфликту между этими сверхдержавами. Американский ученый считает, что такая ситуация может привести к «непреднамеренной конфронтации» [5, с. 330].

Третья опасность, кроющаяся в несогласованности, состоит в ослаблении поддержки со стороны союзников. Непоследовательность США влечет за собой споры внутри сообщества западных стран и позволяет Советскому Союзу играть на этих противоречиях.

Джозеф Най считал, что залогом эффективной внешней политики для Соединенных Штатов является, с одной стороны, последовательная президентская стратегия, опирающаяся на отлаженный механизм исполнительных органов, и согласие между исполнительными и законодательными органами власти. Фактически под вторым условием понимается внутривнутриполитическая поддержка вообще. Здесь свою роль сыграло усиление идеологической борьбы между республиканцами и демократами, начиная с 1964 и по 1980 г., когда, по мнению некоторых активистов этих партий, идеологическая победа и верность принципам значили ничуть не меньше, чем прагматичная центристская позиция и победа на выборах. Жертвой этого противостояния становилась и внешнеполитическая стратегия.

Другой негативной тенденцией явилась демократизация учреждений, связанных с формированием внешней политики. Ослабла система комитетов и иерархия, установленная в конгрессе по принципу политического опыта. Это дало больше возможностей для новых конгрессменов, но в целом позиция конгресса стала более аморфной и разнонаправленной. Зачастую их деятельность была направлена на привлечение внимания к собственной персоне и носила исключительно конъюнктурный характер. Все это ослабило возможность согласования четкой внешнеполитической позиции всего государства.

В конце 70-х – начале 80-х гг. негативные тенденции постепенно изживают себя. Межпартийные дискуссии теряют прежний накал, для партийных лидеров большее значение приобретает победа на выборах. Прагматизм заставляет политиков переходить к более умеренным позициям, потому что общественное мнение США склоняется к центризму. Результатом этого должно явиться усиление роли президента и отсутствие резких изменений во внешней политике государства, а значит, появится возможность сформулировать и привести в жизнь долгосрочную последовательную политическую стратегию.

Данный прогноз фактически оправдался в последние 20 лет, институт президентства США в этот период значительно усилился. За исключением Джорджа Буша (старшего), все президенты в этот период занимали свой пост по два срока. При этом

их внешнеполитические взгляды очень похожи, если иметь в виду, что свои посты они занимали в эпоху коренного изменения всей системы международных отношений, связанную с развалом СССР и советской системы.

Таким образом, Джозеф Най делает вывод, что внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов должна основываться на следующих принципах:

- стратегия должна базироваться на долгосрочных интересах США;
- стратегия должна быть обеспечена необходимыми ресурсами для ее реализации;
- стратегия должна быть достаточно гибкой и принимать во внимание не только сложившуюся практику сдерживания, но и новые, оригинальные подходы;
- стратегия требует поддержки со стороны политического истеблишмента и общественного мнения в целом.

В 1990 г. он фактически предлагает универсальную стратегию внешней политики США – это стратегия гибкой власти [4, с. 336]. Цель ее реализации состоит в сохранении за Соединенными Штатами глобального лидерства в мировой политике в условиях сложной взаимозависимости. США уже добились статуса сверхдержавы в военной и финансово-экономической сферах, гибкая власть позволит сохранять этот статус, используя минимум ресурсов и не подвергая опасности дестабилизации внутреннюю политическую систему в долгосрочной перспективе. Стратегия гибкой власти отвечает всем параметрам, которые Най устанавливает для определения ее эффективности. Сегодня эта стратегия успешно реализуется в таких странах Каспийского региона и Кавказа, как Азербайджан и Грузия.

Однако основной тенденцией в условиях взаимозависимости остается расширение возможностей влияния на мировую политику стран, не являющихся глобальными игроками. Подтверждением этому является создание антитеррористической коалиции для проведения операций в Афганистане и Ираке. В этих условиях США будут вынуждены создавать временные международные институты для каждого случая применения жесткой власти. Роль этих институтов будет состоять в легитимации внешней политики Вашингтона, поскольку деятельность универсальных и региональных институтов, созданных на постоянной основе (ООН, ОБСЕ, НАТО и т.д.), будет блокирована другими странами, преследующими свои интересы. Складывается ситуация, при которой стратегия гибкой власти становится не просто эффективной, а практически единственно возможной для Белого дома.

Библиографический список

1. *Най, Дж. С.* Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. С. Най ; пер. с англ. В. И. Супруна. – М., 2006. – 221 с.
2. *Keohane, O.* Power and interdependence / O. Keohane Robert, S. Joseph Nye. – N.Y. – London, 2001. – 334 p.
3. *Keohane, O.* Transnational Relations and World Politics / O. Keohane Robert, S. Joseph Nye. – Cambridge : Harvard University Press. – 1972. – 427 p.
4. *Nye, S. Joseph.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / S. Joseph Nye. – N.Y. : BasicBooks, 1990. – 389 p.
5. *Nye, S. Joseph.* The making of American's Soviet policy. New Haven / S. Joseph Nye. – London : Yale university press, 1984. – 369 p.